

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЁЖЬ: АКТИВНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.752

Мотивы волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций¹

Ссылка для цитирования: Воронина Н. С. Мотивы волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 4. С. 87–107. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.752

For citation: Voronina N.S. Motivations for volunteers in emergencies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 87–107. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.752

**Воронина
Наталья Сергеевна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

navor@bk.ru

AuthorID РИНЦ: 725230

Аннотация. Волонтерство сегодня является одним из значительных трендов социальной активности. Многочисленные чрезвычайные ситуации² (бедствия, катастрофы) как природного, так и техногенного характера приводят к человеческим жертвам, негативным последствиям для природы и инфраструктуры, а волонтеры, несмотря на существующие для их жизни и здоровья риски, оказывают значимую помощь в предотвращении этих ситуаций или борьбе с их последствиями. Эта деятельность, в свою очередь, актуализирует изучение причин, по которым люди включаются в добровольную, не оплачиваемую работу, занимаются ею продолжительное время.

Исследование мотивов участия волонтеров в ЧС, представленное в данной статье, проводится с применением метода «обоснованной теории» А. Страусе и Д. Корбин. Анализ основывается на данных 45 полуструктурированных интервью с волонтерами, действующими в ЧС (поиск пропавших людей, спасательная работа, оказание первой и гуманитарной помощи и проч.), и экспертами в данной области, а именно, руководителями общественных организаций и профессиональными спасателями.

Исследование описывает комплекс мотивов, стимулирующих людей заниматься волонтерской деятельностью в условиях чрезвычайности. Как показал анализ интервью, основополагающей категорией участия в ЧС является помощь другим людям, а объясняется она посредством таких мотивов, как альтруистические, личностные, социальные, карьерные, защитные. При этом, выявленные мотивы практически полностью пересекаются с типологией мотивов, выделенных в исследовании И. Клери. Приведенное исследование показало, что наиболее часто у волонтеров в ЧС встречались личностные мотивы (занятие волонтерством в ЧС как саморазвитие), а наиболее редко карьерные (стать профессиональным спасателем с помощью волонтерства в ЧС).

¹ При поддержке РФФ, проект № 19-78-10052. Руководитель – Башева О. А.

² Чрезвычайные ситуации, далее сокращенно – ЧС.

Когда возникает необходимость, волонтеры «помогают» физически, насколько позволяет здоровье, и насколько это позволяют делать государственные службы спасения. Среди преимуществ, которые даёт волонтерство в ЧС, респонденты называют «чувство удовлетворённости», благодаря ему, волонтеры и дальше хотят продолжать свою деятельность. Результаты исследования показывают, что волонтерство в условиях ЧС — это процесс, ведущий как к увеличению эффективности предотвращения/устранения последствий ЧС, а также к развитию личности волонтеров в различных сферах: эмоциональной, личностной, карьерной.

Ключевые слова: волонтерство, чрезвычайные ситуации, мотивы, мотивация, ценности, стихийные бедствия, техногенные катастрофы, альтруизм

Волонтерство сегодня является одним из значительных трендов социальной активности. Это отмечается и на высоком государственном уровне. Так, в концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2025 г. в числе целей называются: привлечение волонтеров для оказания помощи при возникновении чрезвычайных ситуаций, изучение их деятельности для понимания вносимого ими вклада [12], что подчёркивает важность волонтерской деятельности в условиях ЧС в нашей стране. Согласно опросу ФОМ, в 2019 г. порядка 39% российских граждан были вовлечены в организованную волонтерскую деятельность [7]. Волонтерство осуществляется в различных направлениях, где необходимо оказание добровольной(безвозмездной) помощи, в том числе при возникновении ЧС. Без помощи волонтеров государству пришлось бы тратить гораздо больше ресурсов на ликвидацию последствий природных и техногенных катастроф. В докладе МЧС за 2019 г. отмечено, что в нашей стране произошло 266 ЧС, «в результате которых погибло 532 чел., пострадало 120911 чел., спасено 9607 чел.» [11, с. 7]. Помимо человеческих жертв, ЧС может приводить к негативным последствиям для экологической системы, инфраструктуры страны. Волонтеры оказывают значимую помощь как в предотвращении ЧС, так и «при проведении спасательных и других неотложных работ в зоне стихийных бедствий и ЧС, участвуя в розыске пострадавших, разборке завалов, эвакуации людей из опасных зон, оказывая пострадавшим первую помощь. После ликвидации ЧС добровольные пожарные, спасатели, волонтеры оказывают помощь специализированным службам при проведении восстановительных работ: восстановлении жилья, энергоснабжения, водоснабжения и транспортной инфраструктуры» [11, с. 200]. Нельзя недооценивать ресурс помощи волонтеров в ЧС и значимость их работы, которая играет важную роль в развитии гражданского общества в нашей стране. Несмотря на то, что участие волонтеров в ЧС часто связано с повышенным риском для их собственной жизни, они всё равно продолжают эту деятельность. Как будет показано далее, существует множество исследований, посвящённых мотивам деятельности волонтеров в целом. Но при этом нет работ о волонтерах в условиях ЧС и о том, что удержи-

вает их в этой сфере деятельности. Таким образом, в данной статье мы хотим ответить на вопросы: отличаются ли мотивы волонтеров ЧС от мотивов волонтеров в целом? Каковы мотивы волонтеров в условиях ЧС? Какие факторы удерживают волонтеров в этой деятельности, несмотря на все трудности, связанные с условиями ЧС?

Теоретические основания исследования и научная разработка тематики

Под волонтерством в ЧС мы понимаем форму добровольного гражданского участия, возникающего в ответ на внезапно возникающие ЧС, выраженные в кризисных или катастрофических ситуациях, характеризующихся турбулентностью среды и часто кратковременным увеличением количества волонтеров. Примерами ЧС являются наводнения, пожары, исчезновения людей и т. д., то есть обстоятельства, которые зачастую связаны с повышенным риском для жизни участвующих в волонтерской деятельности граждан.

В целом первый год реализации проекта показал, что существуют три области анализа, в которых волонтерство пересекается с темой ЧС: это исследования спонтанного волонтерства, исследования, связанные с влиянием цифровых технологий на гражданское участие, и исследования, связанные с организованным волонтерством в НКО¹ [17]. Спонтанное волонтерство рассматривается как тип быстрого, незапланированного реагирования, возникающего как ответ на внезапно растущие потребности в кризисных и катастрофических ситуациях, характеризующийся неоплачиваемой помощью на месте событий, отсутствием связей с организациями гражданского общества, действиями, фокусирующимися вокруг одного события. Среди особенностей волонтерства в условиях ЧС А. В. Невский выделяет доступ волонтеров к закрытой сфере спасательных служб, что предполагает необходимость получения ими профессиональной подготовки и специальной аттестации на проведение аварийно-спасательных работ. В связи с тем, что волонтеры, действующие в ЧС, напрямую взаимодействуют с госслужбами, у них появляется возможность получить доступ к инфраструктуре спасательных служб и приобрести специальные навыки, которые в свою очередь могут им пригодиться, если они решат стать профессиональными спасателями. Таким образом, автор выделяет две основные особенности чрезвычайного волонтерства – «нацеленность на сиюминутные проблемы» и «встроенность в институты государства, что заставляет организации добровольцев приводить свою деятельность в соответствие с жесткими рамками государства» [9, с. 570].

Волонтерством в ЧС могут считаться, например, перепосты актуальной информации о пропавшем человеке в интернете. Так, по мнению О. А. Башевой и П. О. Ермолаевой, современные реалии, связанные

¹ Здесь и далее НКО – некоммерческие организации.

с всеобщей цифровизацией, открыли новые формы волонтерской деятельности, особенно актуальные в фазе непосредственного реагирования на ЧС [1]. Люди могут оказать незамедлительную помощь через интерактивные платформы в рамках процессов краудфандинга и краудсорсинга. Несмотря на то, что цифровое волонтерство, по сравнению с офлайн-волонтерством, характеризуется большей анонимностью и меньшей ответственностью, авторы отмечают, что оно может значительно повысить эффективность спасательных операций, способствуя более правильному применению имеющихся ресурсов и снижению общих потерь сообщества.

Анализируя особенности волонтерства в условиях ЧС, О. Н. Яницкий выделял два типа организации волонтерской деятельности: государственный и гражданский. Государственные – волонтерские организации, создаваемые правительством или иными госслужбами, подчеркивая, что все НКО в России в той или иной степени зависят от ресурсов власти. Гражданские волонтеры – это «организации рядовых граждан, создаваемые как по случаю (ad hoc), так и для систематического участия в ликвидации природных, техногенных социальных и иных последствий ЧС» [16, с. 2]. Однако, по мнению О. Н. Яницкого, у тех и других есть общее – «их “ситуативный” и динамичный характер, готовность к участию в борьбе с множеством форм и видов ЧС» [16, с. 2]. О. Н. Яницкий отмечает, что волонтеры в ЧС могут взять на себя «оповещение, помощь в сборах на случай эвакуации» [15, с. 23], а также деятельность в фазе перед наступлением критической ситуации, например, при согласовании действий со спасателями и местными властями, что могло бы быть эффективным способом ослабления негативных последствий ЧС.

Современные вызовы, с которыми сталкивается мир, такие, как например, стихийные бедствия, требуют участия волонтеров в ликвидации последствий данных происшествий. В этом ключе О. Н. Яницкий, обращал внимание на то, что работа МЧС¹ очень важна, но данная организация не может справиться со сложностью, скоростью ЧС, а главное – МЧС не работает с последствиями ЧС. Волонтеры как раз и нужны для помощи в подобных ситуациях [16, с. 7]. Знание о том, что мотивирует волонтеров осуществлять свою деятельность в условиях ЧС и удерживает их в этой сфере, способствует формированию лучших способов привлечения новых волонтеров в эту деятельность.

Рассматривая существующую литературу о причинах, побуждающих заниматься волонтерской деятельностью, исследователи чаще всего используют такие понятия, как «мотив», «мотивация». Е. П. Ильин, анализируя высказывания А. Н. Леонтьева пришел к выводу, что «работы по проблеме мотивации почти не поддаются систематизации – до такой степени различны те понятия, по поводу которых употребляется термин “мотив”, и что само это понятие превратилось в большой мешок, в кото-

¹ МЧС – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Официальный веб-сайт: <https://www.mchs.gov.ru>

рый сложены самые различные вещи» [4, с. 44]. В целом мотивационная теория стремится объяснить, что побуждает людей к действию, что направляет такое поведение и как оно поддерживается [25]. Наиболее глубокую проработку и широкую известность получила теория мотивации А. Маслоу, согласно которой в основе мотивов действий индивида лежат потребности, которые в свою очередь понимаются большинством психологов как отсутствие чего-либо, вызывающее побуждение к действию, однако, согласно Маслоу, не всё поведение является мотивированным. Он различал функциональное поведение, которое является целенаправленным и детерминировано «внешними-средовыми и/или культурными переменными» [6, с. 124] и экспрессивное, которое часто может быть немотивированным, а детерминировано состоянием организма. Маслоу предложил пирамиду потребностей, которые делятся на базовые (физиологические потребности, потребности в безопасности) и метапотребности – потребности высшего порядка, возникающие, когда удовлетворены базовые (социальные, престижные, духовные потребности). Мотивация в данном случае трактуется как совокупность мотивов, «она выступает как средство или механизм реализации уже имеющихся мотивов» [19, с. 222].

Существует огромное количество исследований мотивации волонтеров, в целом их можно разделить два типа. *Социологические* объяснения мотивации к волонтерской деятельности формулируются в рамках теории социального обмена или теории рационального выбора. С точки зрения этих теорий в основе волонтерской деятельности могут лежать эгоистические мотивы, такие, как например, престиж, социальный контакт и улучшение человеческого капитала. Сторонники теории рационального выбора утверждают, что волонтеры анализируют затраты и выгоды от своего участия и не ориентируются на альтруизм. Они не будут участвовать, если не могут понять для себя какой-либо выгоды [18].

Вторая группа теорий связана с *психологическими* объяснениями. Так, например, теория внутренней и внешней мотивации нашла отражение в статье П. К. Дуайер с соавторами [23], где отмечается, что волонтерство может быть мотивировано внутренним и внешним влиянием. Внешняя мотивация связана с направленностью на получение вознаграждения, или социального одобрения, продвижения по карьерной лестнице. В то время как внутренняя мотивация может быть связана, например, с удовлетворением потребности приносить добро людям. На сегодняшний день самой широко применяемой в исследованиях мотивации волонтеров является *теория функциональной мотивации*. В рамках этой теории мотив рассматривается как выражение существовавших потребностей, предшествующих действию, а не создающихся посредством взаимодействия. Суть функционального подхода, представленного в работах И. Клери и коллег [22] заключается, в том, что люди могут выполнять одни и те же действия, реализуя разные психологические функции. Функциональный подход стремится определить причины и цели, которые мотивируют волонтеров. Например, два человека зани-

маются волонтерством в ЧС, но один из них делает это для того, чтобы потом получить продвижение по карьерной лестнице, а другой из чисто альтруистических побуждений. Функциональный подход подразумевает, что люди будут участвовать в волонтерской деятельности до тех пор, пока эта деятельность удовлетворяет те потребности. В рамках данной теории было выделено 6 групп мотивов: «*альтруистические мотивы* – желание действовать в соответствии с общечеловеческими ценностями и неравнодушие к другим; *личностные мотивы* – желание приобрести навыки или лучше узнать людей; *социальные мотивы* – стать членом группы и заслужить одобрение; *карьерные мотивы* – приобретенный опыт и контакты, полезные для продвижения по службе; *защитные мотивы* – бегство от личных проблем; *повышение самооценки* – укрепление чувства собственного достоинства, уверенности в себе»¹ [22, с. 157].

Большинство исследований, проведенных с использованием этого подхода, сходятся в том, что основными мотивами являются альтруистические, личностные и социальные [19]. Отдельному изучению мотивов деятельности волонтеров в ЧС посвящено незначительное количество работ [24; 20; 8], в которых авторы опираются на теорию функциональной мотивации, проверяя насколько характерны для волонтеров в ЧС мотивы, предложенные в работе И. Клери. Вместе с тем нет никаких убедительных доказательств, что мотивы волонтеров в ЧС будут такими же, что и у волонтеров, помогающих, например, при подготовке Олимпиады. В представленном исследовании мы уточним, наблюдаются ли данные мотивы у специфической группы волонтеров в ЧС, а также выявим, какие конкретно мотивы присутствуют у них, повторяется ли их смысловое наполнение с мотивами, выявленными И. Клери. Также рассмотрим процесс участия в волонтерской деятельности в ЧС более комплексно, используя метод обоснованной теории в версии А. Страусе, Д. Корбин, о которой речь пойдет ниже, чтобы понять, что способствует продолжительному участию в волонтерской деятельности, направленной на спасение и поиск пропавших людей, пожаротушение и оказание экстренной помощи в ЧС.

Стратегия «обоснованной теории» как метод изучения мотивов волонтеров в ЧС

«Обоснованная теория» (Grounded theory) была разработана в 1960-х гг., она представляет из себя методологию анализа качественных данных, заключающуюся в кодировании, сравнении данных и аналитических понятий, написании рабочих заметок для разработок категорий. Итогом применения данной теории является создание теоретической модели, которая объясняет изучаемое явление. Применительно к ограничениям данного метода, следует отметить, что «теория не претендует на установление некоторой объективной истины, а рассматрива-

¹ Перевод И. В. Мерсияновой [8].

ется как локальное, ограниченное знание» [13, с. 29]. Стратегия обоснованной теории имеет множество вариантов в интерпретации различных авторов, таких, как например, А. Страусе, Д. Корбин, Б. Глейзер и др. Особенности методологии и интерпретаций уже много раз обсуждались различными исследователями, такими, как например, В. Г. Николаев [10], И. В. Забаев [3] и др., поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе.

Так как среди исследователей волонтерства нет согласия относительно количества волонтеров в России, а тем более нет такой статистики по людям, занимающимся волонтерством в ЧС, мы не можем знать объёма генеральной совокупности объекта нашего исследования. Поэтому нами используется теоретическая выборка, предполагающая, что сбор данных и их анализ проводится одновременно. «Теоретическая выборка – это отбор людей, обладающих информацией об интересующих исследователя аспектах эмпирической действительности, которые являются основой теоретически релевантных понятий. То есть критериями отбора людей выступают разрабатываемые теоретические положения, описывающие эмпирическую действительность» [2, с. 69]. При использовании теоретической выборки, исследователю иногда приходится брать дополнительные, незапланированные ранее интервью с респондентами, это могут быть как повторные интервью с целью уточнения вопросов или смыслов, так и интервью с новыми респондентами.

В связи с тем, что ЧС стимулирует незапланированную реакцию, и не все волонтеры ЧС действуют через НКО, мы не можем знать, сколько людей спонтанно отреагируют на ЧС. Поэтому выборка строилась нами с помощью метода снежного кома и интервью проводились до качественного насыщения данных. Мы обращались к руководителям известных волонтерских организаций, занимающихся оказанием помощи в ЧС, далее они давали контакты волонтеров (добровольные лесные пожарные, волонтеры, разыскивающие пропавших людей и др., подробнее ниже). Далее мы искали волонтеров в сети Интернет по их заметкам о своей деятельности в социальных сетях и СМИ, также поиск производился через сеть контактов уже опрошенных нами респондентов. Всего было проведено 45 интервью.

Поле проводилось 4 месяца с 20 января 2020 г. У некоторых волонтеров мы брали повторные интервью с уточняющими вопросами, а кто-то описывал несколько кейсов, что также требовало проведения нескольких интервью. В целом одно интервью занимало от 1,5 до 2 часов. К некоторым респондентам мы обращались повторно, чтобы узнать о том, как они работают в ситуации пандемии COVID-19, для этого производились и транскрипции прямых эфиров в сети Instagram, на которых руководитель организации «Liza Alert» отвечал на вопросы слушателей об их работе в период пандемии.

Для проведения полуструктурированных и экспертных интервью нашей исследовательской группой были разработаны гайды, содержащие блоки вопросов о биографии респондента, опыте участия в волонтерской

деятельности, причинах волонтерства в ЧС, организации волонтерской работы в НКО, собственном понимании ЧС респондентом, дальнейших планах относительно участия в волонтерской деятельности и др.

Респондентами выступали: руководители волонтерских организаций; действующие и отставные должностные лица МЧС и других аварийно-спасательных служб, имевшие опыт взаимодействия с волонтерами, либо знающие о подобных практиках сотрудничества; сами волонтеры, принимавшие участие в тушении лесных пожаров, поисково-спасательной деятельности, оказании гуманитарной помощи после наводнений и других ЧС. Наши респонденты непосредственно участвовали в ликвидации последствий таких крупных бедствий, как наводнение в г. Крымске в 2012 г. и на Дальнем Востоке в 2013 г., взрыв в 2018 г. в жилом доме г. Магнитогорска; помощи беженцам, приехавшим в Россию.

Мы будем использовать разные версии обозначения респондента при цитировании фрагментов интервью: имя и обозначение волонтерской организации, а также имя и обозначение ЧС (если это волонтер, не принадлежащий к какой-либо структуре). Данное исследование предваряет следующий этап нашего проекта, а именно – массовый опрос волонтеров в ЧС.

В нашем исследовании мы воспользуемся классической версией обоснованной теории А. Страусе, Д. Корбин, где на первом уровне *открытого кодирования* мы максимально приближены к данным, читаем цитаты из интервью и выделяем главные мысли, создаём коды. Вот этим «кодом» – базовой единицей смысла часто выступают сами слова респондента. Два разных человека могут сказать, что для них важно, например, «саморазвитие», поэтому они занимаются волонтерством. При этом они могут вкладывать в него совершенно разный смысл. Наша задача в ходе открытого кодирования – понять, какой смысл респондент вкладывает в каждый выделенный нами ранее код. Иногда таких кодов в интервью получается много и приходится кодировать практически дословно. На этапе кодирования постоянно происходит процедура сравнения данных между собой. К. Чармаз рекомендует исследователю задавать себе следующие вопросы при кодировании: что исследуется с помощью этих данных? О чём говорят данные? С чьей точки зрения? На какую теоретическую категорию указывает эта конкретная часть данных? [21]. Следующий этап – *осевое кодирование* представляет собой «ряд процедур, с помощью которых данные после открытого кодирования соединяют по-новому, устанавливая связи между категориями» [14, с. 81]. Последним этапом анализа является *избирательное кодирование*. Из всего множества категорий, которые получились на втором этапе, нужно аналитически выстроить центральную категорию, вокруг которой располагаются все остальные категории. Таким образом, подкатегории, полученные на втором этапе, должны соединиться вокруг единой ключевой категории. При анализе данных мы пользовались парадигмальной моделью Страусе, Корбин, в основе которой лежит следующая логическая цепочка: *феномен* (центральная идея, в связи с которой предпринима-

ется ряд действий), у феномена есть *причинные условия* (события или случаи, которые ведут к появлению феномена), *контекст* (определенный ряд условий, в рамках которого принимаются стратегии действия для управления определённым феноменом, его реализации и реагирования на него), *промежуточные условия* (эти условия действуют, чтобы поддерживать или ограничивать стратегии действия, принятые в рамках определенного контекста), *стратегии действия / взаимодействия* (стратегии, предназначенные для того, чтобы справиться с некоторым явлением, управлять им, совершать его, реагировать на него при определенном наборе воспринимаемых условий), *последствия* (результаты действия) [14, с. 89].

Феномен

В ходе интервью мы задавали респондентам вопрос о том, что для них означает заниматься волонтерством в ЧС и почти везде присутствовали слова «я помогаю». Свою волонтерскую деятельность они обозначают как «*помощь*», то есть, они не так часто называют себя именно волонтерами, как говорят «я оказываю помощь, я помогаю». Именно «помощь» и стала основной категорией для нашего исследования. Волонтерство осмысливается респондентами через категорию помощи: «*и для меня быть волонтером значит быть человеком, просто помогать людям, столько в мире людей, которым нужна помощь и столько в мире ситуаций, где нужна помощь человека, и я просто призываю людей помогать*» (Галина, взрыв в Магнитогорске).

Причём у многих оказание помощи прослеживается с раннего детства и развивалось в различных формах в течение всей жизни. Оказание помощи для этих респондентов является жизненным интересом, приносящим чувство удовлетворения: «*мне было интересно, то есть, из-за того, что я вырос в такой среде – там, походы, взаимопомощь, большая дружная семья, необеспеченная, мягко говоря. Мне было интересно помогать. То есть, выбирая себе направление в жизни, я у видел, что помощь – это, что приносит удовлетворение*» (Максим, эксперт, волонтер «Гринпис», профессиональный спасатель).

Многие респонденты отмечали, что помогать их приучили с детства, их таким образом воспитали в семье и для них это является нормой: «*если нужна моя помощь реально, я помогу всегда, ну, как-то меня так воспитали, в моей семье это всегда было нормально, помочь ближнему, помочь животному из приютов, помочь с каким-то ремонтом, ну, то есть это нормально*». (Анисса, наводнение в Крымске).

Контекст

Далее было выделено 5 контекстных категорий, являющихся условиями, в рамках которых принимаются решения о помощи, — мотивы. В качестве основания для выделения мотивов мы использовали функ-

циональный подход И. Клери, который получил наибольшее эмпирическое подтверждение в различных исследованиях, так как выявленные нами мотивы практически во всем повторяли её типологию. Однако, при формировании выборки, мы изначально не исходили из типологии Клери, а брали интервью до тех пор, пока информация не начала повторяться, и так совпало, что мотивы волонтеров ЧС повторяют типологию И. Клери. По нашему мнению, это свидетельствует о её валидности вне зависимости от специфики волонтерской деятельности. Исключением стал мотив «повышения самооценки» в типологии Клери, который не прослеживался ни в одном нашем интервью.

Дополнительным результатом нашего исследования стало подробное смысловое наполнение мотивов именно волонтеров ЧС, по сравнению с исследованием И. Клери. Рассмотрим смысловое наполнение для волонтеров в ЧС каждого из мотивов, которые являются контекстным фоном, формирующим мотивационную основу для волонтеров.

1. Альтруистические мотивы понимаются респондентами как норма человеческой природы, как то, что заложено в человеке эволюцией – потребность помогать, творить добро, нормальный, естественный порыв помочь, проявить эмпатию: *«человек, который безвозмездно готов потратить свой ресурс на оказание помощи вот в той или иной ситуации», «вещи, которые должны быть в мозгу каждого человека, что помогать нужно и помогать — это нормально» (Константин, эксперт, фонд «Предание» и «Русская гуманитарная миссия»)*.

Респонденты также отмечали, что их мотивирует ощущение, что они могут сделать мир лучше: *«я верю, что лет через восемьдесят, ну у всех разные прогнозы, но я полагаю, что, проблема природных пожаров в России будет решена. Или сведена к минимуму. И для того, чтобы это было сделано, я участвую в этой деятельности. Я понимаю, что в течение своей жизни я этого не увижу, но я чувствую, что мы делаем очень важные шаги по решению этой проблемы» (Ада, тушение пожаров)*.

Альтруизм в сознании волонтеров направлен не только к людям, обществу в целом, но и к природе. Так, респондентов волнует загрязнение и уничтожение окружающей среды, и они чувствуют, что её нужно защищать, они хотят сохранить нашу планету, чтобы показать этот мир в таком же виде своим детям: *«Я считаю, что люди и так сделали много негативного для нашей планеты, для нашей природы, что уже нужно начать исправлять, но заставить кого-то что-то делать — это очень сложно, и в каких-то случаях нереально, поэтому нужно начинать с себя и пытаться что-то делать хотя бы своими силами» (Софья, руководитель противопожарной программы «Гринпис»)*.

2. Защитные мотивы характеризуются желанием уйти от личных жизненных проблем в волонтерскую деятельность, не испытывать на себе давление окружения, а также ощущением, что ты не одинок,

а нужен: *«иногда люди приходят сюда, чтобы почувствовать себя нужным, чтобы почувствовать себя в кругу единомышленников, ощутить безусловное доверие напарнику, себе» (Пётр, тушение пожаров).*

Погружаясь в более сложные проблемы, такие как последствия ЧС, респонденты отмечали, что начинали ощущать, что их собственные жизненные проблемы надуманы: *«после того, как ты побываешь в ЧС, ты жизнь свою переоцениваешь полностью. Ты понимаешь, что все проблемы, которые есть у тебя в жизни – они вообще ничто. На них даже не стоит обращать внимание. Если до этого меня волновали какие-то вопросы, типа, как сдать сессию, как заработать денег, то после этого я понял, что у меня вообще нет проблем в жизни» (Артём, наводнение в Крымске).*

Защитные мотивы отражают различные способы уйти от «реальной» жизни с её проблемами в волонтерство, где никто на тебя не давит и каждый сам себе хозяин. Например, чтобы не испытывать проблем с родителями: *«родительское давление – это крайне сложная вещь и её очень сложно избежать. Единственный выход – это уехать, я была готова уехать хоть куда, я просто счастлива, что подвернулось именно волонтерство, которое открыло мне целый мир» (Юлия, тушение пожаров).*

3. Личностные мотивы характеризуются направленностью на саморазвитие, осознанием, что волонтерская деятельность даёт возможности для самореализации, для получения новых навыков, знаний: *«это невероятно учит и силе духа, и вообще всяким полезным навыкам, которые пригодятся тебе в обычной жизни, начиная от каких коммуникаций и общения, психологической помощи, стойкости, условий выживания», «получение новых знаний, люди могут идти на волонтерство чтобы чему-то научиться и потом это в свой жизни как-то применять» (Артём, наводнение в Крымске).* Согласно А. Маслоу, саморазвитие это стремление к полной реализации своих способностей, всестороннее развитие собственной личности, самосовершенствование, которое ведет к самоактуализации (реализации целей и способностей). По Маслоу, самоактуализация является вершиной пирамиды потребностей человека [6]. Как мы видим, респонденты, говоря о саморазвитии, имеют в виду как личностное развитие (сила духа), так и возможность приобретения навыков, которые могут пригодиться и в работе. Личностные мотивы были самими распространёнными в нашем исследовании и встречались у каждого из респондентов как понимание занятия волонтерством в ЧС для саморазвития.

4. Социальные мотивы характеризуются, во-первых, зависимостью от одобрения: *«ты что-то сделал – молодец, тебя похвалили, и человек на это реагирует как на мотивацию, какой-то стимул, приятно. В детских годах, наверное, тоже нельзя отрицать, что многие идут, в том числе, потому что в детстве они привыкли к тому, что одобрение нужно завоевать чем-то. Вот этот вот ореол спасателя как такого супермолдца, потому что многим важно быть молод-*

цом: то есть я спасатель, я волонтер, я молодец» (Клим, волонтер СпасРезерв, профессиональный спасатель). А также социальные мотивы характеризуются потребностью в том, чтобы стать членом группы. Респонденты отмечали, что ощущают себя среди волонтеров как среди «своих» людей, ощущают себя частью одного большого дела: «ты оказываешься сразу в кругу своих, и это люди были, которые так же в выходные, в свободные дни приехали и упахивались там целыми днями в довольно тяжёлых условиях. Это такое было, как военное чувство братства, когда вот вы там друг другу спины прикрываете, такое чувство единения со всеми этими людьми» (Алёна, пожары 2010 г.). «И держит в основном команда, то есть, когда ты внутри, ты чувствуешь себя, что ты часть какого-то там общества, которое может порешать любую проблему, чувствуешь себя механизмом, частью сильного механизма или даже важной частью сильного механизма» (Илья, тушение пожаров).

5. Карьерные мотивы у волонтеров в ЧС проявляются как желание стать профессиональным спасателем. Данный мотив являлся «экстремальным» среди остальных мотивов, то есть всплывал в интервью наиболее редко. Анализ интервью показал, что волонтерство может стать каналом мобильности, через который человек входит во взаимодействие со спасательными службами и постепенно получает компетенции и статус профессионального спасателя. *«Попал в другую категорию людей, которые идут в волонтерство для того, чтобы освоить эту специальность и стать спасателем (Максим, эксперт, волонтер «Гринпис», профессиональный спасатель).*

Причинные условия

Отправной точкой для оказания помощи у волонтеров было понимание необходимости в этой помощи, которое прослеживалось двумя способами. Во-первых, волонтерские организации сообщают о необходимости помощи в ЧС. Причём, в качестве каналов для передачи информации используются не только сами волонтерские организации, но и, например, волонтерские группы в интернете: *«мы с коллегами ищем их в разных группах, например, в “Подслушано в Краснодаре”, “Типичный Красноярск”. То есть в таких типичных сообществах. Часто этих людей там видно, они более активные. Они пишут, например, “у меня есть лопата”, “у меня есть топор”, “Я у друга возьму машину”, “Всё едем, надо тушить, всё плохо и ничего не помогает”. (Софья, руководитель противопожарной программы «Гринпис»).*

Во-вторых, люди сами видят необходимость помощи, узнавая о ЧС из новостей, например, и активно ищут любые возможности помочь другим: *«когда в регионе случается катастрофа, ситуация, которую невозможно скрыть, не заметить, люди на это реагируют и пытаются сами что-то сделать. Они часто объединяются в группы и готовы действовать» (Софья, руководитель противопожарной программы «Гринпис»).*

Стратегия действия

После того, как волонтеры осознают необходимость в помощи, начинается процесс обсуждения выбора помощи между волонтерами в конкретных ЧС. Если ЧС в регионе случаются регулярно, то обсуждения будущих действий приобретают системный характер: *«семинар был ещё в марте месяце, когда в Питере ещё ничего не горело, а мы уже решили, что всё, будем этим заниматься, и будем заниматься в первую очередь всё-таки для Ладоги, но мы искали возможность продолжить наши тренировки, понятное дело, потому что одного раза мало, то есть мы там познакомились, как заводить мотопомпу, собирать нарукавную линию, как пользоваться ранцем, как там воздуходувкой пользоваться, в марте месяце было это особенно смешно, потому что снег лежал»* (Наталья, наводнения и тушения пожаров). Также обсуждения стратегий помощи происходят не только внутри волонтерских организаций, но и в интернете, в виртуальных сообществах волонтеров. Даже если волонтеры организуются спонтанно и не обсуждают стратегий помощи, прибывая на место ЧС, специально обученные, более опытные волонтеры и профессиональные спасатели стараются всегда инструктировать их, обеспечивать экипировкой, чтобы сделать их помощь максимально эффективной: *«если человек не обучен, а имеет большое желание, но не знает, как это делать, и делает это абы как, это уже негативная ситуация»* (Юрий, эксперт, СпасРезерв).

Сама помощь дифференцируется в зависимости от вида ЧС. В наших интервью фигурировали следующие виды ЧС: наводнения, пожары, пропажа людей, обрушения домов. Общим для участия волонтеров в оказании помощи при всех этих ЧС является предварительное обучение, подготовка. Она включает в себя обучение оказанию первой помощи, технике безопасности и далее в зависимости от специфики ЧС это может быть: ориентирование на местности, обучение технике тушения пожаров, физическая подготовка, так как оказание помощи требует сил и зачастую длится не один час. Также среди действий волонтеров в ЧС присутствует помощь с использованием компьютерных технологий (например, дистанционный мониторинг), агитационная работа (например, борьба с разбрасыванием окурков, распространение информации об опасности поджога травы и др.), в случае наводнений – дежурство.

Волонтерские организации выезжают в города, ведут активную образовательную деятельность: *«Мы приезжаем в город и предлагаем людям некий курс, сессию например, в 3 дня, это вечер пятницы, суббота и воскресенье. Вечером в пятницу вводное занятие. Что это такое за движение, наша цель. Суббота — это пожарная тактика, у нас есть готовые кейсы, которые мы им передаём. Там и упражнения, и подвижные ролевые игры, и прочее. В третий день мы непосредственно едем торфяник тушить»* (Софья, эксперт, руководитель противопожарной программы «Гринпис»).

Промежуточные условия

Промежуточные условия включают в себя факторы, которые препятствуют, либо способствуют оказанию помощи. В результате анализа интервью нами были закодированы, а затем объединены в категории следующие промежуточные условия: сложности взаимодействия с государственными структурами, физические ресурсы, эмоциональное выгорание, поддержка СМИ, отсутствие поддержки знакомых, родственников.

Среди сложностей взаимодействий с государственными структурами респондентами отмечалась сложность признания ситуации чрезвычайной, если, например, нет открытого очага огня: *«преодолеть вот это сопротивление по поводу признания там торфяных пожаров довольно сложно, потому что вы же видите, что это не пожар, открытого огня нет, нет, а, ну, а что, ваш термометр показывает 400 градусов, так может у вас термометр сломался»* (Наталья, тушение пожаров).

Также волонтеры отмечали, что на их желание оказывать помощь влияют их физические возможности, а также порой они испытывали эмоциональное выгорание: *«физические трудности, ты устаешь по 2, по 3 часа махать лопатой, разгрести всё это... самое сложное – моральное осознание того, что произошло и, что столько людей пострадало, погибло, осталось без всего, потому что ты это всё начинаешь проецировать на себя, и от этого становится труднее. Моральный аспект был самым тяжёлым, потому что это самая большая трудность, с которой все столкнулись»* (Анисса, наводнение в Крымске).

Волонтеры сталкиваются с непониманием и неодобрением близкого круга, а иногда и родителей по поводу оказания помощи в ЧС: *«люди знакомые, с которыми я общалась, они так как-то пожимали плечами, в общем, зачем вы это делаете, у нас есть пожарные службы, у нас есть там типа государство, которое должно за это отвечать, и вообще непонятно зачем вы это делаете, и вообще лучше там как-то на себя время посвятить»* (Алёна, тушение пожаров).

Положительным подкреплением деятельности выступают СМИ, помогающие распространить информацию о деятельности волонтеров, что в свою очередь придаёт моральные силы помогать и дальше: *«у нас есть определённые СМИ, которые нас поддерживают. И то есть информация, например, о том, что в этом районе поджигают местные жители, потому что пытаются справиться с саранчой, она не только у нас опубликована, она ещё и через эти СМИ в информационном пространстве эта информация распространяется»* (Ада, тушение пожаров).

Последствия

Результат помощи волонтеров в целом описывает категория чувства удовлетворения: *«дали данные на эти очаги, то есть такое чувство удовлетворения, что хотя бы 5, но мы сделали, осилили»* (Галина, тушение пожаров). Данная категория встречалась в каждом интервью.

Удовлетворение волонтерам приносит благодарность людей, которым они оказывали помощь: *«помогали истории счастливого спасения на самом деле, когда приходили те же самые пострадавшие да, и говорили, как они спаслись, то тоже лечило»* (Анисса, наводнение в Крымске). Выражение благодарности способствует укреплению мотивации волонтеров заниматься помощью в ЧС, что увеличивает вероятность оставаться в волонтерстве и дальше.

Чувство удовлетворения сопровождается всплеском адреналина и положительными эмоциями: *«в поисках запоминается, когда действительно находишь кого-нибудь, это, конечно, сразу такой всплеск адреналина, особенно когда отклик слышишь, что всё и из сапог выпрыгиваешь, практически бежишь туда»* (Татьяна, поиск пропавших людей). *«Лично мои чувства, вот у меня вот мне очень нравится это занятие. И в целом это всегда в итоге какие-то положительные впечатления»* (Ада, тушение пожаров). В целом чувство удовлетворения от волонтерской деятельности хорошо сказывается на эмоциональном состоянии волонтеров. Также дополнительное чувство удовлетворения приносит не сам процесс помощи, а ощущение ценностной идентичности с другими волонтерами, то есть, ощущение сплоченности от взаимодействия с людьми, для которых помощь также первостепенно важна.

Возможно, из-за такого положительного подкрепления в виде чувства удовлетворения, ни один из наших респондентов не высказал желания прекратить волонтерскую деятельность в дальнейшем: *«Ну, и волонтерство от меня никуда не денется, это, наверное, уже диагноз пожизненный»* (Юлия, поиск пропавших людей).

Выводы

Анализируя интервью волонтеров в ЧС, очень сложно сгруппировать респондентов, например, по социально-демографическим признакам. Эта группа очень разнообразна, в ней представлены совершенно разные возрасты, места жительства, у них разный уровень образования и профиль занятости, но в одном они сходятся – в мировоззрении респондентов о помощи людям как о норме, которая должна существовать в обществе. Причём, респонденты отмечают, что их воспитывали в таком ключе, чтобы быть полезными для общества.

В результате анализа мы выявили, что понятие «волонтер в условиях ЧС» в интерпретации самих респондентов описывает не только то, что они делают, – «помогают», но и отражает понимание ими такого волонтерства как неотъемлемой части собственной жизни, затрагивающей эмоциональное состояние. Респонденты рассказывали истории о поиске пропавших людей, помощи при наводнениях и пожарах, обрушении домов, при этом некоторые из них действовали через волонтерские организации, некоторые на неформальном уровне, узнавая о происшествии из СМИ или от знакомых, тратя большое количество времени на

эту деятельность. При этом, независимо от того, являлись они членами общественной организации или нет, их мотивы практически не различались. Разница только в том, что организованные волонтеры иногда считали волонтерство в ЧС каналом для получения работы в спасательных службах, а у неорганизованных волонтеров такого мотива не прослеживалось.

По отношению к типам мотивов И. Клеры нам удалось расширить смысловое наполнение их в интерпретации волонтеров в ЧС. Исходя из основной категории, полученной в исследовании – «помощь», можно сделать вывод, что главный мотив волонтеров – внутренняя потребность помогать людям, оказавшимся в условиях ЧС, попавшим в беду. Проявляя своё равнодушие, волонтеры приобретают некий жизненный опыт, навыки. Получение этих навыков и опыта, часто встречалось в интервью как мотив к волонтерской деятельности, мы обозначили это как стремление к саморазвитию. Наиболее редко в интервью встречались карьерные мотивы (желание стать профессиональным спасателем).

Среди выделенных нами промежуточных условий, подкрепляющих мотивацию волонтеров в ЧС, присутствует поддержка СМИ. Это значит, что освещение деятельности волонтеров в прессе приводит к возникновению желания помогать больше, лучше. Ощущение удовлетворенности от своей деятельности приводит к желанию продолжать её.

Некоторые исследователи, например, Дж. Уилсон [26, р. 216] среди факторов подкрепления желания заниматься волонтерской деятельностью называют высокий *уровень образования* и *высокий доход*. Высокий уровень образования предполагает, что человек больше знает о различных проблемах, у него больше развита эмпатия, а высокий доход позволяет иметь больше ресурсов для помощи. Эти два фактора влияния также могут быть объяснены с точки зрения концепции постматериалистических ценностей Р. Инглхарта, основанной на теории А. Маслоу. Так, люди, у которых удовлетворены базовые потребности, которые имеют высокий доход и высокий уровень образования, которые не думают о выживании и безопасности, будут иметь большую вероятность заниматься волонтерской деятельностью. Инглхарт акцентирует внимание на том, что всё больше современных людей в развитых странах являются приверженцами ценностей постматериализма, «в отличие от материалистов, они ещё более высокий приоритет отводят самовыражению и качеству жизни» [5, с. 10]. Иначе говоря, те люди, у кого есть потребность в саморазвитии, самореализации, самовыражении будут иметь большую мотивацию заниматься волонтерством. Однако, нашими респондентами мало обсуждались сюжеты, связанные с доходом и образованием. Таким образом, можно сказать, что предположения Маслоу в нашем исследовании подтвердились не полностью. Рассказывая о своём обучении и работе, респонденты строили свой нарратив, не придавая этим аспектам сильную значимость без связки с их волонтерской деятельностью. А вот что касается потребности в самовыражении и самореализации, то действительно можно сказать, что почти все респонденты

рассматривали помощь в ЧС в связи с собственным саморазвитием в разных сферах: и в эмоциональном, и в личностном, и в карьерном. Таким образом, подтвердив высказывания Р. Инглхарта о связи потребности в саморазвитии и занятии волонтерской деятельностью.

Выделенные в работе промежуточные условия, препятствующие волонтерской деятельности в ЧС, существенно не влияли на решение волонтеров в дальнейшем заниматься ею, респонденты отмечали, что иногда из-за эмоционального выгорания или физической усталости делали перерыв, но желания вовсе выйти из волонтерской деятельности не возникало. Также сложности взаимодействия с государственными структурами или непонимание, отсутствие поддержки со стороны родных или знакомых не отбивало желания помогать в ЧС.

Если рассмотреть полученные результаты в рамках теории мотивации Маслоу, мы действительно наблюдаем, что волонтеры в ЧС удовлетворяют свои потребности высшего уровня, такие как саморазвитие и самореализация. Стимулом для них служит понимание необходимости в их участии: это может быть призыв о помощи со стороны волонтерской организации, либо они сами могут увидеть новости о ЧС через СМИ или от знакомых. В результате оказания помощи в ЧС респонденты ощущали чувство удовлетворения. Все респонденты свидетельствовали, что они стали лучше благодаря своей волонтерской деятельности. Необходимо подчеркнуть, что на наш взгляд, теоретическая рамка А. Маслоу недостаточно раскрывает всех особенностей мотивации волонтеров, так как из нашего исследования выходит, что ключевым мотивом волонтеров ЧС является потребность в помощи людям, оказавшимся в беде, а данная теория не предлагает интерпретации полученного вывода.

Необходимо отметить, что у нашего исследования были некоторые ограничения, включая характер ЧС, связанных с природными и техногенными катастрофами, поиском пропавших людей. Также нам не удалось собрать равное количество волонтеров, организованных и спонтанных, чтобы осуществить корректное сравнение. Мы постараемся устранить эти ограничения в ходе массового опроса волонтеров, что поможет проверить валидность представленных в настоящей статье результатов. Мы надеемся, что данная работа будет способствовать развитию мер по привлечению и удержанию волонтеров ЧС в их деятельности.

Библиографический список

1. Башева О. А., Ермолаева П. О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 47–69. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625

2. Дембицкий С. С. «Обоснованная теория»: стратегия сбора и анализа качественных данных при теоретической валидации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 2. С. 64–83.

3. Забаев И. В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2011. № 32. С. 124–142.
4. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
5. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. Серия: мастера психологии. СПб.: Питер, 2014. 600 с.
7. Масштабы и потенциал волонтерства // ФОМ. 2019. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14303> (дата обращения: 21.0.2021).
8. Мерсиянова И. В. Мотивация волонтерской деятельности // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2018. URL: <https://afly.co/57y3> (дата обращения: 10.09.2020).
9. Невский А. В. Добровольные спасатели в системе ликвидации ЧС в России: к вопросу о взаимодействии гражданских организаций и государства // Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2018. Т. 5. С. 562–589. DOI 10.31119/re.2018.5.21
10. Николаев В. Г. Значение наследия Ансельма Стросса и «укорененная теория» сегодня // Социологический ежегодник / Ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 216–234.
11. О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2019 г.: государственный доклад. М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2020. 293 с.
12. Об утверждении концепции развития волонтерства // Правительство России. 2018. URL: <http://government.ru/docs/35231/> (дата обращения 11.10.2020).
13. Рогозин Д. М. Обоснованная теория. Лекция 8 // Курс лекций по методологии социологического исследования 2013–2014. Шанинка. 2014. 37 с. URL: <https://clck.ru/YwkPS> (дата обращения: 21.11.2021).
14. Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесл. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
15. Яницкий О. Н. Типология критических состояний современного общества // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 16–31. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623
16. Яницкий О. Н. Волонтерство в чрезвычайных ситуациях: теория, практика и методы исследования // Официальный портал ФНИСЦ РАН, 2019. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=7142> (дата обращения: 10.05.2020).
17. Basheva O. A., Nevskii A. V. Current State of Research on the Issue of Volunteer Participation in Emergencies // AD ALTA. Journal of Interdisciplinary Research. 2019. Vol. 9. № 2. P. 41–43.

18. Bussell H., Forbes D. Understanding the Volunteer Market: The What, Where, Who and Why of Volunteering // *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*. 2002. Vol. 7(3). P. 244–257. DOI: 10.1002/nvsm.183
19. Carlo G., Okun M. A., Knight G. P., Guzman M. R. T. The interplay of traits and motives on volunteering: Agreeableness, extraversion and prosocial value motivation // *Personality and Individual Differences*. 2005. Vol. 38. № 6. P. 1293–1305. DOI: 10.1016/j.paid.2004.08.012
20. Carpenter J., Myers C. K. Why Volunteer? Evidence on the Role of Altruism, Image, and Incentives // *Journal of Public Economics*. 2010. Vol. 94. P. 911–920. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.07.007
21. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks, California: Sage, 2006. P. 47–49.
22. Clary E. G., Snyder M. The Motivations to Volunteer: Theoretical and Practical Considerations // *Current Directions in Psychological Science*. 1999. Vol. 8. № 5. P. 156–159. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00037>
23. Dwyer P. C., Bono J. E., Snyder M., Nov O., Berson Y. Sources of Volunteer Motivation: Transformational Leadership and Personal Motives Influence Volunteer Outcomes // *Nonprofit Management & Leadership*. 2013. Vol. 24(2). P. 181–205. DOI: <https://doi.org/10.1002/nml.21084>
24. Francis J. E., Jones M. Emergency service volunteers: a comparison of age, motives and values // *Australian Journal of Emergency Management*. 2012. Vol. 27. № 4. P. 23–28.
25. Rice S., Fallon B. Retention of Volunteers in the Emergency Services: Exploring Interpersonal and Group Cohesion Factors // *The Australian Journal of Emergency Management*. 2011. Vol. 26. № 1. P. 18–23.
26. Wilson J. Volunteering // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 215–240. DOI: 10.1146/annurev.soc.26.1.215

Статья поступила: 1.10.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронина Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; доцент, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.752

Motives for Volunteers in Emergencies

Natalia S. Voronina

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: navor@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-8859-6803

For citation: Voronina N. S. Motivations for volunteers in emergencies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 87–107. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.752.

Abstract. Volunteering is one of the most significant trends in social activity today. Numerous emergency situations (hereinafter referred to as ES), both natural and man-made, lead to human casualties, negative consequences for nature and infrastructure, and volunteers, despite the existing risks for their life and health, provide significant assistance in preventing these situations or combating their consequences. This activity, in turn, actualises the study of the reasons why people get involved in voluntary, unpaid work, and carry it on for a long time.

The investigation of the motives of volunteers' participation in emergencies, presented in this article, is carried out using the "grounded theory" method by A. Strause and D. Corbin. The analysis is based on data from 45 semi-structured interviews with volunteers operating in ES (search for missing people, rescue work, first aid and humanitarian aid, etc.), and experts in the field, namely, heads of public organisations and professional rescuers.

The study describes a set of stimuli that motivate people to volunteer in an emergency. As the analysis of interviews has shown, the fundamental category of participation in ES is helping other people, and it is explained through such motives as altruistic, personal, social, career and protective. At the same time, the identified motives almost completely intersect with the typology of motives identified in the study by I. Clery. The above study showed that most often volunteers in ES had personal motives (volunteering in ES as self-development), and most rarely career ones (becoming a professional rescuer through volunteering in ES).

When the need arises, volunteers "help" physically, as far as their health allows, and as far as the state rescue services allow. Among the benefits of volunteering in ES, the respondents name "a sense of satisfaction", thanks to it, volunteers want to continue their activities. The results of the study show that volunteering in an emergency is a process leading both to an increase in the effectiveness of prevention / elimination of the consequences of an ES, as well as to the development of the volunteers personality in various spheres: emotional, personal, and career.

Keywords: volunteering, emergencies, motives, motivation, values, natural disasters, man-made disasters, altruism

References

1. Basheva O. A., Ermolaeva P. O. The phenomenon of digital volunteering in emergency situations: essence, types, theoretical framework. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11(1): 47–69 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625
2. Dembickij S. S. Grounded Theory: A Strategy for Collecting and Analyzing Qualitative Data in Theoretical Validation. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing*, 2010: 2: 64–83 (in Russ.).
3. Zabaev I. V. Data analysis logic in grounded theory: B. Gleser's version. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya: 4 M)*, 2011: 32(0): 124–142 (in Russ.).
4. I'in E. P. Motivaciya i motivy [Motivation and motives]. St. Petersburg, Piter, 2000: 512 (in Russ.).
5. Inghart R. Postmodern: changing values and changing societies. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1997: 4: 6–32 (in Russ.).
6. Maslou A. Motivaciya i lichnost'. Seriya: mastera psihologii [Motivation and personality. Series: Master of Psychology. St. Petersburg, Piter, 2014: 600 (in Russ.).
7. Masshtaby i potencial volonterstva. [The scope and potential of volunteering]. Accessed 10.05.2020. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14303> (in Russ.).
8. Mersyanova I. V. Motivaciya volonterskoj deyatel'nosti. [Motivation for volunteering]. Accessed 10.09.2020. URL: <https://afly.co/57y3> (in Russ.).
9. Nevskij A. V. Volunteer rescuers in the emergency response system in Russia: on the issue of interaction between civil organizations and the state. *Vlast' i elity*. [Power and elites]. Ed. By A.V. Duka. St. Petersburg, Intersocis, 2018: 562–589 (in Russ.). DOI: 10.31119/pe.2018.5.21
10. Nikolaev V. G. The Significance of Anselm Strauss' Legacy and the 'Rooted Theory' Today. In: *Sociological Yearbook*. Ed. by N. E. Pokrovskij, D. V. Efremenko. Moscow, INION RAN, 2009: 216–234 (in Russ.).
11. O sostoyanii zashchity naseleniya i territorij Rossijskoj Federacii ot chrezvychajnyh situacij prirodnoho i tekhnogennogo haraktera v 2019 g. [On the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from natural and man-made emergencies in 2019]: Moscow, MCHS Rossii; FGBU VNII GOCHS (FC), 2020: 293 (in Russ.).
12. Ob utverzhdenii koncepcii razvitiya volonterstva. Pravitel'stvo Rossii [On the approval of the concept of volunteering development. Russian Government]. Accessed 11.10.2020. URL: <http://government.ru/docs/35231/> (in Russ.).
13. Rogozin D. M. Obosnovannaya teoriya. Lekciya 8 [Grounded theory. Lecture 8]. 2014: 37. Accessed: 21.11.2021. URL: <https://clck.ru/YwkPS> (in Russ.).

14. Strause A., Korbin Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tekhniki [Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures, and Technique]. Transl. from English T. S. Vasil'eva. Moscow, Editorial URSS, 2001: 256 (in Russ.).
15. Yanicky O. N. The typology of modern society's critical conditions. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11: 1: 16–31 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623
16. Yanicky O. N. Volonterstvo v chrezvychajnyh situaciyah: teoriya, praktika i metody issledovaniya [Volunteering in emergency situations: theory, practice, and research methods]. Accessed 10.05.2020. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=7142> (in Russ.).
17. Basheva O. A., Nevskii A. V. Current State of Research on the Issue of Volunteer Participation in Emergencies. *AD ALTA. Journal of Interdisciplinary Research*, 2019: 9(2): 41–43.
18. Bussell H., Forbes D. Understanding the Volunteer Market: The What, Where, Who and Why of Volunteering. *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*, 2002: 7(3): 244–257. DOI: 10.1002/nvsm.183
19. Carlo G., Okun M. A., Knight G. P., Guzman M. R. T. The interplay of traits and motives on volunteering: Agreeableness, extraversion and prosocial value motivation. *Personality and Individual Differences*, 2005: 38(6): 1293–1305. DOI: 10.1016/j.paid.2004.08.012
20. Carpenter J., Myers C. K. Why Volunteer? Evidence on the Role of Altruism, Image, and Incentives. *Journal of Public Economics*, 2010: 94: 911–920. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.07.007
21. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks, California, Sage, 2006: 47–49.
22. Clary E. G., Snyder M. The Motivations to Volunteer: Theoretical and Practical Considerations. *Current Directions in Psychological Science*, 1999: 8(5): 156–159. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00037>
23. Dwyer P. C., Bono J. E., Snyder M., Nov O., Berson Y. Sources of Volunteer Motivation: Transformational Leadership and Personal Motives Influence Volunteer Outcomes. *Nonprofit Management & Leadership*, 2013: 24(2): 181–205. DOI: <https://doi.org/10.1002/nml.21084>
24. Francis J. E., Jones M. Emergency service volunteers: a comparison of age, motives and values. *Australian Journal of Emergency Management*, 2012: 27(4): 23–28.
25. Rice S., Fallon B. Retention of Volunteers in the Emergency Services: Exploring Interpersonal and Group Cohesion Factors. *The Australian Journal of Emergency Management*, 2011: 26(1): 18–23.
26. Wilson J. Volunteering. *Annual Review of Sociology*, 2000: 26: 215–240. DOI: 10.1146/annurev.soc.26.1.215

The article was submitted on: October 1. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia S. Voronina, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Associate Professor, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia